

Новости профессиональной жизни

И. Е. СИРОТКИНА

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ И ИХ ИСТОРИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДИСКУССИИ

Прошедшая в стенах ИИЕТ в апреле 2000 г. международная конференция-семинар «Психология, современная история, природа человека» была частью более широкой инициативы. Совместный проект, в котором участвуют историки науки из Великобритании, Нидерландов и России, озаглавленный «Основания и сравнительная история психологии как гуманитарной науки», получил в 1999 г. поддержку от учрежденной Европейским Союзом организации ИНТАС. Цель проекта — изучение истории психологии в разных европейских странах и в ее соотношении с другими науками о человеке. На практике проект заключается в детальном знакомстве с работами участников из разных стран и координации исследований. Их результаты должны быть представлены на годовых семинарах-конференциях. По мнению руководителя проекта Роджера Смита (университет Ланкастера / ИИЕТ), назначение этой инициативы — это прежде всего улучшение условий для работы российских партнеров, поддержка исследований в нашей стране.

Работа конференции-семинара проходила на трех секциях и завершилась шестичасовой дискуссией. Первая секция фокусировалась на наиболее общих вопросах истории психологии, социальных наук и истории науки в целом. Началась она с выступления заведующей первой и пока единственной в Западной Европе университетской кафедры теории и истории психологии. Доклад Труди Дехью (университет Гронингена) назывался «Политики тестирования: из истории и оснований “социального эксперимента”». Дехью рассказала об одном социальном эксперименте — недавнем исследовании наркотической зависимости от героина, проведенном в Голландии. Министерство здравоохранения этой страны поставило задачу выяснить, что именно провоцирует асоциальное поведение наркоманов — сам героин или же его дороговизна на «черном рынке». Для этого предлагалось провести эксперимент со свободной раздачей героина группе наркоманов, которая находилась бы под наблюдением врачей и социологов. Исследование планировалось согласно самой строгой модели эксперимента, с участием контрольных групп испытуемых. Однако, сосредоточившись на методологических вопросах, исследователи не ушли ничто очень важное. В ходе эксперимента испытуемые начали выходить из исследования, объясняя это тем, что бесплатный героин «невкусный».

Почему, спрашивает Дехью, провал этого и других отдельных экспериментов не ставит под сомнение экспериментально-статистические методы в социальных исследованиях? Свою настойчивость в применении этих методов социологи объясняют тем, что действия администрации и политиков должны опираться на научные исследования. Сама же Дехью отвергает это объяснение ученых и считает, что причина популярности экспериментов в социальной сфере лежит в том, что их якобы строгий методологический подход хорошо согласуется с бюрократическими требованиями государственного управления. На практике социальный эксперимент служит прежде всего политическим интересам правительственных чинов-

ников. Когда же ученые оправдывают свои исследования тем, что научная рациональность выше политической и что для принятия решений нужно привлекать науку, они, говорит Дехью, либо обманываются, либо — заодно с бюрократией.

В противоположность предыдущему, доклад Владимира Умрихина (МГУ) под названием «От структурного к функциональному понятию психики: путь к психологии XX века» был сделан с позиций интерналистской истории науки. Умрихин связывает возникновение современной психологии с кардинальной сменой предмета этой науки во второй половине XIX в. До этого, утверждает Умрихин, в психологии господствовал субстанциалистский, «овеществляющий» способ построения предмета (попытка ответить на вопрос о том, *что* есть данный предмет сам по себе, каково его внутреннее строение). Докладчик считает, что «естественной реакцией на подобную ситуацию» стало выдвижение нескольких альтернативных программ психологии, авторами которых выступили Ф. Brentano, У. Джеймс и И. М. Сеченов. Главное, что объединяло эти несхожие по содержанию и появившиеся в разных странах программы, состояло в переориентации от традиционного субстанциального к новому способу построения предмета психологии — функциональному.

Родри Хэйворд (университет Восточной Англии) выступил с рассуждением на тему, «что считать причиной в истории науки». По его мнению, многие проблемы и трудности историков науки возникают из-за ограниченности круга причин, используемых в историческом объяснении. Эта ограниченность отчасти вызвана тем, что до недавнего времени, утверждает докладчик, историки и социологи науки исходили из очень упрощенной модели человека. (Эту модель, в которой человек предстает как соревнующийся с другими в погоне за властью, Хэйворд называет «макиавеллиевской».) Они рассказывали почти исключительно о том, как ученые стремятся к доминированию и контролю над природой и обществом. Если мы сравним это с восприятием своих собственных действий, говорит Хэйворд, то обнаружим, что мы приписываем себе гораздо более сложные виды мотивации. Мы действуем не только исходя из соображений выгоды, власти и репутации, но также на основе самых невероятных и причудливых мотивов, в том числе побуждаемые сексуальной привлекательностью, духовными мотивами. Для истории науки, заключил Хэйворд, необходимо большее разнообразие объяснительных категорий, хороший методологический эклектизм, включающий, наряду с популярными сейчас социэкономическими объяснениями, также объяснения личные и психологические.

Паоло Палладино (университет Ланкастера) выбрал в качестве темы доклада («У президента рак: рак в эпоху модернизма») медицинскую теорию рака и ее близость языку современной политики. Он рассказал об одном исследователе рака — британском враче Локхарт-Маммери. На основе клинических исследований тот пришел к выводу, что рак возникает при наследовании нестабильных генов, которые могут приводить к неконтролируемому разрастанию клеток. Маммери верил в то, что, подобно генам, рак передается от поколения к поколению и постепенно распространяется среди населения. Поэтому, утверждал Маммери, за социальной организацией общества нужно было следить так же тщательно, как и за здоровьем индивидуального организма.

В созданном Маммери дискурсе рак был уподоблен заболеванию социального организма. Эти идеи образовали метафорический контекст для политизации рака Рональда Рейгана, которому этот диагноз был поставлен в 1985 г. Рассказы о раке президента в американской прессе звучали примерно так: в результате нарушения нормальных, упорядоченных отношений между клетками клетки растут без оглядки на своих соседей и угрожают побегом со своего законного места, чтобы затем беспорядочно, без определенного ритма и видимых причин, распростра-

нить многочисленные бомбы по телу самого могущественного человека нации. Опираясь на работы самого Маммери, журналисты создали такой дискурс, в котором болезнь и интересы нации оказались прочно слиты.

Фрэнсис Нири (университет Эксетера) также сделал доклад из области историко-социологического анализа медицины, называвшийся «Сея безумие: паническая боязнь помещения в психиатрическую больницу и выхода из нее в послевоенной Британии». В 1950-х гг. британская пресса много писала о случаях неправомерного помещения в психиатрическую больницу или, напротив, преждевременного выхода из нее. Некоторые из этих случаев, закончившиеся трагически, вызвали страхи в обществе. Докладчик сравнил эти страхи с более поздней боязнью заболеть «коровьим бешенством» — особой формой энцефалита, когда в конце 1990-х гг. многие британцы перестали есть говядину. Нири объединил эти два явления в предложенную социологом Стэнли Козном категорию «моральной паники».

Эд Принс (университет Амстердама) завершил работу второй секции докладом «От болезни Альцгеймера к деменции и обратно, или что значат стандарты и классификации в социальном мире экспертизы». Он говорил о проблемах, возникающих у исследователей науки и медицины при использовании социологического понятия «стандартный пакет». Оно было введено для описания того, как создаются медицинские классификации и выносятся диагнозы. Принс привел случай, когда использование понятия «стандартного пакета» не проясняет, а наоборот, запутывает ситуацию. Принс рассказал о случае, когда человек болеет одной болезнью, а умирает от другой...

Диагноз «болезнь Альцгеймера» возник в США в начале 1970-х гг., когда в медицине решающее влияние приобрели специалисты по нейронаукам. Существовавший до этого диагноз — «деменция», или «старческое слабоумие» — получил «научное» название «болезнь Альцгеймера». Однако, как выяснил Принс, проводивший исследование в ряде голландских домов престарелых, врачи там по-прежнему пользуются старым диагнозом «старческое слабоумие». И только после смерти пациента нейрофизиологи на основании лабораторного исследования мозга ставят диагноз «болезнь Альцгеймера». В заключение Принс посоветовал тем исследователям науки, которые используют понятия вроде «стандартного пакета», уделять больше внимания социальному контексту, профессиональным культурам и практикам, в которых эти стандарты только и применяются.

Елена Соколова (МГУ) открыла секцию, посвященную наукам о человеке в Советском Союзе. Доклад «Теория деятельности А. Н. Леонтьева в науке и жизни: психологическая история харьковской школы» был посвящен советскому психологу, автору теории деятельности, в 1930-х гг. основавшему influentialную школу. Как показала исследовательница, ученики и коллеги Леонтьева приняли его теорию как руководство не только в своей научной работе, но и в жизни. Теоретические положения служили им идеалами, нормами для организации общения в школе. По мнению докладчицы, этика социальной солидарности выгодно отличала харьковскую школу от современного академического этоса, с его индивидуализмом и повседневными заботами о хлебе насущном.

Кирилл Россиянов (ИИЕТ) представил доклад на тему: «Опыты пересадки обезьяних желез человеку: возникновение приматологии в Советском Союзе (1922–1930 гг.)». Он рассказал о том, как в духе социального новаторства 1920-х гг. биолог Илья Иванович Иванов задумал эксперименты по осеменению женщин спермой шимпанзе. Ученый стремился доказать правоту Дарвина и продемонстрировать биологическое родство человека и приматов. Эти исследования держались в секрете и поэтому не породили такой общественной реакции, которую вы-

зывают сообщения о подобных экспериментах на людях — например, о печально знаменитых медицинских экспериментах нацистов.

За докладами последовала организованная Роджером Смитом и Ириной Сироткиной (ИИЕТ) дискуссия. В ней прозвучали вопросы, которые широко обсуждаются историками науки как на Западе, так и в России: о статусе наук о человеке, объективности исторического исследования, моральных оценках, выносимых описываемым историческим событиям, — об идеализации прошлого и, напротив, о критической функции истории.

Начнем с вопроса о трудностях написания истории наук о человеке. Человечество пользуется заслуженной репутацией одной из самых проблематичных областей научного исследования. Развитие наук о человеке из-за сложности их предмета изучения невозможно рассматривать как последовательность стадий, подводящих к современному состоянию. О прогрессе в этой области судить поэтому гораздо труднее, чем, например, о прогрессе в физике. Презентистская модель в истории наук о человеке наименее уместна, что и продемонстрировали участники конференции, ни один из которых не строил свой доклад на модели кумулятивного развития.

Другая сложность, с которой сталкивается историк наук о человеке, — этическая. Она заключается в том, что человек — это субъект своей активности. Научное же исследование приводит к его объективации, превращению из субъекта в объект. Поэтому и оценочная функция истории в случае наук о человеке особенно очевидна и вызывает острые дебаты. О провале оценок, выносимых историческим обстоятельствам, уже много писалось. Призыв к этической оценке исторических событий был отвергнут, по словам одного из участников, как «искажающая прошлое инъекция современности». Но иногда, как признают многие историки, удержаться от такой оценки невозможно. В истории наук о человеке можно встретить и романтическую идеализацию прошлого, и его критику с моральных позиций. Обе установки оказались представлены на конференции. Иллюстрацию первой установки — идеализации прошлого — некоторые увидели в докладе Е. Е. Соколовой, услышав в нем ностальгические нотки об ушедшей в прошлое этике солидарности. Для того чтобы отвести от себя подозрения, докладчица сослалась на «объективную ценность» идей Леонтьева, которые признаны сейчас международным научным сообществом.

В вопросе о том, всегда ли нужно историку удерживаться от оценок, единства нет. Не было его и на нашей конференции. Те, кто впервые узнали из доклада Россиянова об экспериментах по скрещиванию человека и шимпанзе и были поражены аморальностью этой идеи, подумали, что здесь критика истории с моральных позиций была бы уместна. Каким же образом удавалось докладчику оставаться более или менее беспристрастным? Может быть, как предположил Палладино, благодаря вере в критическую функцию истории: как только историки покажут обществу заблуждения приматолога Иванова, подобная объективация человека-субъекта станет недопустимой? Это не мешает многим сомневаться, что исторический анализ как таковой может привести общество к покаянию.

Другой взгляд на соотношение истории и моральной оценки был предложен французским философом Полем Рикёром. Утверждая, что критика начинается с подозрения, Рикёр считает, что основной модальностью в истории науки является «герменевтика подозрения». Согласно ей, историки науки, пытаясь вскрыть стоящие за фасадом науки мотивы и действия ученых, занимают по отношению к ним позицию «свысока». Некоторые участники конференции увидели пример «герменевтики подозрения» в докладе Дехью, которая, как им показалось, говорила о заговоре ученых и бюрократического государства. Если же, спрашивали критики, Дехью считает свое объяснение социологических практик более верным, чем ин-

терпретации самих социологов, не ставит ли она тем самым свою рациональность историка выше рациональности ученых?

Когда, однако, историю критикуют за претензии на превосходство, за оставление за собой последнего слова, часто забывают, что эта позиция вынужденная. Ведь положение «над схваткой» было занято историками в ответ на упреки в пристрастности, субъективности. Именно этим объясняются их старания дать «объективную» картину прошлого, описать прошлое так, «как было на самом деле». Этим же отчасти обуславливается выбор безличного, беспристрастного, монологического способа повествования, или нарратива. На конференции такие упреки были высказаны в адрес Фрэнсиса Нири, чье сравнение между страхом попадания в психиатрическую больницу и боязнью «коровьего бешенства» некоторые участники сочли натянутым, а всю концепцию доклада субъективной.

Последним — по порядку, а не по важности — в дискуссии был вопрос о роли истории. Как напомнил один из участников конференции, история — это двуликий Янус: с одной стороны, все признают ее важность, а с другой — она считается не вполне наукой. Вновь был повторен вопрос Л. Виттенштейна: «Какое мне дело до истории?» Многие исследователи науки задаются сейчас вопросом: почему прошлое вообще должно нас интересовать? Если наша задача, считают они, — реконструировать научные понятия, не лучше ли обратиться к настоящему и использовать для исследования лабораторных практик, скажем, этнографические методы?

По иронии судьбы критика исторического знания прозвучала накануне 130-летнего юбилея Ленина. Подобно своим предшественникам, Марксу и Энгельсу, Ленин считал историческое познание самой важной из наук о человеке. После кризиса марксизма объяснения в духе исторического материализма быстро потеряли свою привлекательность: Стало принято говорить об ограниченности любых исторических построений на том основании, что все они имеют политическую функцию. Крах марксистской философии заставил многих усомниться в том, может ли «историческое», «прошлое» быть самостоятельной аналитической категорией. Исследователи современных обществ и культур с недоверием относятся к любым историческим аргументам. В качестве ответа критикам некоторые историки предлагают усовершенствовать теории и методы своей науки — например, как призвал Родри Хэйворд, расширить список действующих в науке причин.

Недоверие к историческому объяснению и тенденция заменять его на социологические, антропологические, психологические и т. п. трактовки были очень точно названы «бегством в настоящее». В отличие от простого рассказа о прошлом, о том, «как было на самом деле», «история настоящего» — это, скорее, социологический анализ событий и анализ языка их участников — дискурса. (На конференции с этих позиций был сделан доклад Паоло Палладино.)

Но критика истории порождает ответную реакцию историков. Их защитником на конференции стал Роджер Смит. По его мнению, когда речь идет о замене традиционной истории на «историю настоящего», уместно спросить, о чем настоящем идет речь? в чьих интересах связывать все с неким настоящим? и какое именно настоящее имеется в виду? Эти вопросы стоят особенно остро в истории науки: дело в том, что история науки часто пишется учеными для самих же ученых, тех, кто ищет в истории подтверждения своих представлений о настоящем.

В ответ «беглецам в настоящее» историки отстаивают ценность прошлого. Как считает Смит, когда мы говорим или пишем о прошлом, мы осуществляем возможность встречи с чем-то отличным от нас самих, чем-то выходящим за рамки нашего мира. История, по мнению Смита, — это уникальный по своей роли акт воображения, уносящий нас за пределы настоящего. Этот акт основан на вере в то,

что моя или ваша жизнь, опыт и знание не исчерпывают всего, что можно пережить, прочувствовать и узнать. Наука истории — один из наиболее богатых способов дать такому воображению голос. История обладает способностью вместить в себя иное, несмотря на то, что это иное познается на основе настоящего. В отличие от других видов воображения, историческое воображение отдает приоритет работе с первоисточниками. Ценность последних для историка отчасти и заключается в том, что они несут в себе иное.

Чувство инаковости было на конференции достаточно сильно. Участники ощутили, что практические и теоретические проблемы написания истории в России значительно отличаются от тех, которые в течение последних десятилетий обсуждаются в Западной Европе. Согласно наблюдению Эда Принса, общество в Западной Европе и США, в отличие от России, — это не просто собрание голосов и точек зрения. Оно имеет четкую и развитую структуру, которую образуют давно сложившиеся политические партии, газеты с четким направлением и прочными журналистскими традициями, журналы, церкви и религиозные секты, философы, негосударственные организации, наконец, коммерческие и финансовые компании. Поэтому, по мнению Принса, западному историку гораздо легче структурировать голоса исторических лиц, создав законченную картину, а западной публике легче понять и оценить работу историков, с которыми она разделяет одни и те же общественные позиции.

Можно обсуждать, есть ли в России такой единый контекст, а можно попробовать его создать хотя бы в рамках одной конференции. То, что дискуссия между исследователями с разными подходами к истории состоялась, можно считать успехом встречи в ИИЕТ.

Б. В. БУЛЮБАШ

БРИТАНСКИЕ НАУЧНЫЕ МУЗЕИ В ИНТЕРНЕТЕ*

Что представляет собой научный музей в конце XX столетия? «Шепот иных тайн» слышит в залах Парижской консерватории наук и искусств герой знаменитого романа Умберто Эко («Маятник Фуко»): «А это пенсне, и крохотные водяные часы, и маленький электроскоп, и линза, и лабораторный ножик, похожий на клинописный знак, шпатель, тонкая стеклянная пластинка, трехсантиметровый тигель для создания гомункулуса величиной с гнома...» Именно музей науки становится для него местом встречи точного естествознания с герметическим знанием, встречи с мистическими «властителями мира».

А вот что пишет Андрей Ваганов в статье «Музесфикация Интернета»: «Все восторги от Интернета как уникального технологического и коммуникационного проекта в истории человечества постепенно утихают. Теперь на первый план выходит проблема смыслового наполнения Всемирной Паутины, или, как принято говорить среди специалистов, — проблема контента. Перенос в виртуальное пространство музейных экспозиций (точных цифровых копий знаменитых музейных коллекций) — один из самых логичных путей создания действительно качественного контента в Интернете» [1].

* Автор благодарит Ирину Куклину (отдел науки Британского совета) за подсказанную ему идею данной статьи.